

DOI:

UDC: 930.272

The Mstislav's Svyatoslavich Alan marriage in the masage of the Ipatiev chronicle

S.N. Abukov

Abstract

The article is devoted to the report of the Ipatiev chronicle on the marriage of the Chernigov prince Mstislav Svyatoslavich with Alan women. This unique monument of the South Russian chronicle is one of the main sources on the history of Ancient Russia. Analyzing this news of the chronicle, data from other sources, as well as the opinions of researchers, the author came to the conclusion about the reliability of the chronicle message. The marriage of Mstislav of Chernigov was of great importance not only in the system of family ties of the Olgovichi, but also Russian-Alan relations of the XII-XIII centuries, which must be considered in the broader context of the relationship between Russia and the steppe.

Keywords: Rus, Chernigov, Mstislav Svyatoslavich, Alans, marriage, kinship.

Аланский брак Мстислава Святославича в известии Ипатьевской летописи¹

С.Н. Абуков²

Аннотация

Статья посвящена сообщению Ипатьевской летописи о браке черниговского князя Мстислава Святославича с аланкой. Этот уникальный памятник южнорусского летописания является одним из основных источников по истории Древней Руси. Анализируя это известие летописи, данные других источников, а также мнения исследователей, автор пришел к выводу о достоверности летописного сообщения. Брак Мстислава Черниговского имел большое значение не только в системе родственных связей Ольговичей, но и русско-аланских отношений XII-XIII вв., которые необходимо рассматривать в более широком контексте взаимоотношений Руси со степью.

Ключевые слова: Русь, Чернигов, Мстислав Святославич, аланы, брак, родство.

Древнерусские летописи – бесценный памятник письменной культуры наших предков и важнейший источник сведений по истории Древней Руси. Без их существования сегодня мы не могли бы представить прошлое нашей страны. С XIX в. издается серия «Полное

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 124012400356-4 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса».

² Донецкий государственный университет, e-mail: abukov@bk.ru

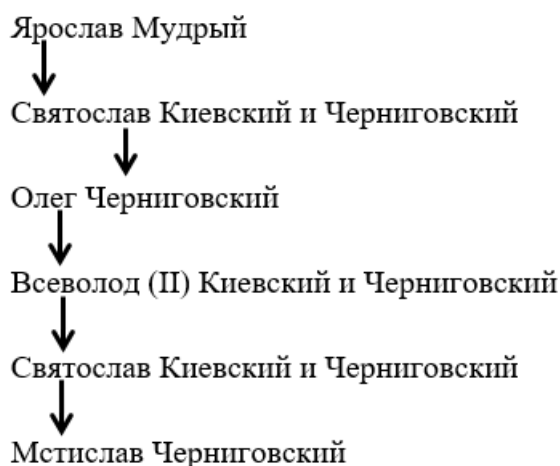
собрание русских летописей» (ПСРЛ), которое выходит все новыми изданиями, учитывая огромный интерес специалистов, а сама работа по их публикации и изучению еще очень далека от завершения. Особое место в этом собрании принадлежит Ипатьевской летописи – прекрасному образцу южнорусского летописания, названному по монастырю под Костромой, где был обнаружен, и который датируется XV в. Ее издаваемый в ПСРЛ Ипатьевский (Академический) список является старейшим. Помимо одного из самых полных текстов «Повести временных лет» (ПВЛ), летопись, как известно, состоит из трех частей: помимо ПВЛ, это еще Киевский свод (именно о сообщении этой части будет идти речь далее) и Галицко-Волынская летопись. В настоящее время оригинал хранится в Библиотеке АН РФ. Летопись содержит уникальные известия о событиях XII-XIII вв., включая взаимоотношения русских с другими народами. Не одно столетие Русский мир находился во взаимодействии с этносами мира Степи.

В Средние века одним из знаменитых народов Великой Степи были ираноязычные аланы, известные в истории от Китая до Испании и Северной Африки. На протяжении более, чем тысячи лет они оказывали значительное влияние на политическую ситуацию в Евразии, особенно в Период Великого переселения народов. В дальнейшем, аланы располагались в Предкавказье и на Дону, где они были соседями Руси и были известны в древнерусских летописях под именем ясов. Их история имеет прямое отношение к нашему прошлому и к проблеме взаимодействия нескольких народов в районе Донбасса и на соседних территориях. Родственными узами аланская знать оказалась связанными с правителями Грузии и Византии, что говорит о той роли, которую они играли в XI-XII вв. Не стали исключением и русские князья.

Первый, документально подтвержденный брак, между элитами Алании и Руси датируется началом XII в.: на ясыне был женат сын Владимира Мономаха, будущий киевский князь Ярополк Владимирович (1132-1139) (ПСРЛ, Ипатьевская летопись 2001, стб. 284). В центре нашего внимания находится другой брак, также отраженный в Ипатьевской летописи, а именно – одного из Ольговичей – Мстислава Святославича, черниговского князя, одного из руководителей русской рати против монголов на Калке в 1223 г., где он погиб с сыном.

Для того, чтобы представить место князя на генеалогическом древе Рюриковичей, покажем его родство с Ярославом Мудрым.

Схема

Итак, Мстислав Черниговский состоял в браке с неизвестной по имени ясыней (аланкой). Еще при своей жизни его отец киевский князь женил его одновременно с другим сыном («Князь Киевський Святославъ Всеволодичъ ожени 2 сына за Глеба поя Рюриковноу а за Мьстислава Ясыню» (ПСРЛ, Ипатьевская летопись, 2001, стб. 625). В летописи это женитьба датирована 6690 г. (она записана в Ипатьевской летописи дважды). Но летописные даты требуют уточнения в зависимости от используемого исчисления. При коррекции год свадьбы дает 1183/4 г. (Літопис руський, 1989, с. 330). Учитывая тот факт, что отец Святослав Всеволодич одновременно женил княжича и его брата Глеба, который достиг соответствующего возраста и был старше Мстислава, а князья вступали в брак, по современным меркам, очень рано и это его первое упоминание в источниках, то вероятно, что черниговский князь родился ок. 1169 г. Скорее всего, его жена была с ним близкого возраста или младше. Имя аланки мы не знаем. В Любецком синодике, где помещен для поминания список князей и княгинь Черниговского дома, и где Ольговичи часто выступают под своими христианскими или монашескими именами, княгиня, возможно, названа Марфой (Зотов, 1892, с. 69). Вообще, княгини часто называются не своим антропонимом, а принадлежностью к супругу. По случаю свадьбы княжичей Святославичей был устроен большой пир, («бысть же бракъ великъ») (ПСРЛ, Ипатьевская летопись, 2001, стб. 625). Масштаб торжества подчеркивает его важное значение.

Однако, как следует из того же летописного известия о браке, ясыня прибыла не из степи, как ожидалось, а из Владимиро-Суздальского княжества и была свояченицей (сестрой жены) могущественного князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо («из Володимеря Соуждальского Всеволожу свестъ») (ПСРЛ, Ипатьевская летопись, 2001, стб. 625). Известна и еще одна свояченица Мстислава Святославича и Всеволода Юрьевича – жена новгородского князя Ярослава Владимировича, внука Мстислава Великого (ПСРЛ. Лаврентьевская летопись, 2001, стб. 416-417). Любопытно, что все три сестры находились в браках с Рюриковичами, состоящими между собой в близком родстве, а ключевой фигурой из супругов княгинь был как раз Всеволод Большое Гнездо. К свойству с ним стремился киевский князь, устроив брак своего сына с сестрой его жены. Любопытно, что судьбами своих своячениц занимался никто иной, как сам Всеволод Суздальский, и судя по всему, сестры находились на Руси под его опекой.

Однако не все так просто. Вопрос об этнических корнях первой жены Всеволода Юрьевича и ее сестер остается дискуссионным. Можно сказать, что это один из наиболее запутанных генеалогических вопросов. Дело в том, что в источниках, в отличие от своей сестры – черниговской княгини, супруга Всеволода названа чешской княжной и звали ее Мария Шварновна (ПСРЛ. Новгородская первая летопись, 2000, с. 468). Так или похоже ее именуют и другие летописи, где она названа «Маріа, дщи Шварлова Ческаго», а ее сестра (Елена, по Татищеву) даже «дочи Шварнова, Ческого короля, свестъ великого князя Всеволода» (ПСРЛ. Летописный сборник, 1863, стб. 301, 290). Она также названа «Марья Щварнова, дщи князя чешьскаго» (Новикова, 2007, с. 216). Н.М. Карамзин, сообщив обе версии национальной принадлежности жены Всеволода, подкрепил вторую следующим указанием: «Тело ее лежит во Владимире, в Успенском Девичьем монастыре, в приделе Благовещения, в олтаре, и в надписи сия Княгиня именована Марфою Шварновною. Имя Марфы ей дано в монашестве» (Карамзин, 1991, с. 535, прим. 62). Еще в одной летописи жена Всеволода Мария – «дщи князя Четскаго» (ПСРЛ. Владимирский летописец, 2009, с. 83). В западнорусской Супрасльской летописи жена Всеволода: «а княгини его Мара два Ориева, дщи ческого князя», что диссонирует с приведенным выше именем и не вполне

понятно по смыслу даже, если принять чтение «Мара» как Мария, а «два» как дева (ПСРЛ. Летописи Белорусско-Литовские, 1980, с. 36).

Как видим, чешское происхождение владимирской княгини имеет хотя и позднюю, но весьма устойчивую традицию. При этом интересующая нас сестра, княгиня черниговская, такого этнического определения и отчества не несет. Из источников выходит, что из трех сестер одна названа «ясыней», а две другие – «чехинями», что трудно вразумительно объяснить. Такую загадку даже называли «казусом» (Перевалов, 2017, с. 108).

Вообще, происхождение жены Всеволода Большое Гнездо вызывает живой интерес среди историков. Она является предком всех последующих владими́ро-суздальских князей, включая, понятно, и московских. Ее сестры, супруги черниговского и новгородского князей, от нее как бы «светят отраженным светом». Историки разделились в своих мнениях. Одни еще с дореволюционного времени принимали осетинскую версию (Погодин, 1856, с. 478; Пашуто, 1968, с. 216), аргументируя ее доказательствами уже в наши дни (Кузнецов, 2016, с. 24-25). Другие отстаивали чешскую версию (Кишкин, 1972, с. 253-269), а указание на «ясыню» пытались представить, как топоним в Моравии (Щепкина, 1972, с. 70-71). Третьи отождествляли Шварно с одноименными боярами Южной Руси (дядей и племянником), что приводило уже к новой «русской» гипотезе, а сами сестры происходили от разных матерей (Литвина, 2006, с. 374-381). Также приходится констатировать, что поиск истины принимает иногда конъюнктурный характер, при котором одни факты принимаются, другие отбрасываются. Для одних исследователей предпочтительней чешская, для других аланская (осетинская) версия.

На наш взгляд, наиболее правдоподобной выглядит следующая гипотеза, касающаяся происхождения черниговской княгини и ее сестер. Всеволод Юрьевич женился где-то в начале 70-х гг. XII в., когда был младшим безвестным князем, без волости, пребывающим на юге Руси. Трудно представить, что его избранницей могла стать далекая чешская княжна. Вообще, в это время не отмечаются браки Рюриковичей с Пршемысловичами. Да и не отыскать среди чешских князей никого с похожим именем, а не то, что короля. Более того, и самого такого имени в Чехии не существовало. Едва ли Всеволод породнился с дочерью боярина. Факты браков русских князей с боярышнями вне Новгорода в домонгольский период следует отнести к случаям, источниками четко не зафиксированным. Указание на то, что «княжна» оказалась не крещеной, когда появилась на Руси, более чем странно (ПСРЛ. Летописный сборник, 1863, стб. 301). Уж о христианской Чехии русские знали. Жили «дочери чешского короля» почему-то у Всеволода и, вероятно, остались без родителей, что также ставит под сомнение их происхождение из Чехии, будучи, скорее, выходцами из приграничных с Русью аланов, очевидно знатных, чтобы породниться и с Мономашичами, и с Ольговичами.

Хотя на Руси происхождение определялась по отцу, то нельзя совсем уж исключать, что они были только единоутробным, отчего не переставали считаться сестрами, что и запутало их национальную принадлежность. Как можно согласиться, между ними действительно была разница в возрасте. Имя отца передается нашими источниками в разном написании и может быть несколько иным, чем это принято, а адаптированным в новой этнической среде. Имя Шварно трудно отнести к аланским именам, впрочем, как и к чешским. Вопрос трудно решить однозначно. Если мы признаем факт яского происхождения супруги Всеволода, то, возможно, заинтересованность в участии в походе на Калку Юрий II выразил и по причине желания помочь аланской родне матери.

Но как бы там ни было с женой владимирского князя и с «суздальскими аланами», поиск истины в противоречивых сообщениях источников не должен увести нас от главного. Если все-таки мы будем строго следовать показаниям ранних летописей, в достоверности которых нет повода усомниться, в конкретном случае с женой Мстислава Черниговского ее следует признать аланкой, что не было уникальным случаем среди Рюриковичей домонгольского времени. Аланские родственные связи, возможно, имел Андрей Боголюбский, брат Всеволода. Через осетинских жен Юрьевичей Ю.А. Лимонов даже конспирологически предполагал укрепление позиций младшего Всеволода и его посвященность в заговор против брата – владимирского самовластца, как известно, убитого в 1174 г. (Лимонов, 1987, с. 95, 98, прим. 50). По крайней мере, в окружении Андрея Боголюбского на важных местах пребывали ясы (ПСРЛ. Ипатьевская летопись, 2001, стб. 586). Не исключено и существование во Владимире во втор. пол. XII в. некоей аланской общины. Впрочем, это несколько иная тема, которая нам важна только исключительно в контексте осетинских родственных связей Мстислава Черниговского.

К.А. Аверьянов отметил следующее: «После анализа всех, без исключения, источников, так или иначе связанных с Марией, необходимо признать справедливость замечания Ипатьевской летописи под 1182 г. о том, что сестра Марии, выданная замуж за князя Мстислава Святославича, являлась «ясыней...»» (Аверьянов, 2020). Как отметил в свою очередь Л.В. Войтович: «Этот брак – свидетельство актуальности для черниговских князей связей с аланами и в последней четверти XII в.» (Войтович, 2026, с. 406). Все же необходима небольшая правка: когда заключался брак на первом месте значение имело свойство с Всеволодом Юрьевичем, но и аланские контакты для граничащего с Диким полем Черниговского княжества играли важную роль. Добавим, что значение такие связи могли иметь и в первой четверти XIII в. По мнению специалистов, речь в данном случае идет об аланах Подонья (Малахов, 1992, с. 133-134). Это очень важное уточнение. К сожалению, о политической истории местных аланов мы мало что знаем, но такой династический союз русских князей именно с элитой, представляющей крупный соседний этнос, выглядит более естественным, чем с их собратьями региона Северного Кавказа.

Возможно, это родство также сыграло роль в решении Мстислава Святославича выступить против нового врага, нанесшего перед этим поражение на Северном Кавказе «многочисленному» народу аланов, умело разделив их с половцами. Тот же Рашид-ад-Дин затем пишет, что «уцелевшая часть кипчаков бежала в страну урусов» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 229). Очевидно, что резонансные события с нашествием нового сильного врага всколыхнули степной мир, и известия дошли не только до половецкой родни русских князей, но и до аланской. Возможно, что были и непосредственные информаторы Мстислава Святославича, которые добрались с вестями до Чернигова.

Таким образом, несмотря на противоречивость источников, нет причин оспаривать яское происхождение жены черниговского князя Мстислава Святославича. Брак был заключен с целью укрепления связей между его отцом, киевским князем Святославом Всеволодовичем и владими́ро-суздальским князем Всеволодом Большое Гнездо. Кроме того, аланские связи супруги имели значение для Мстислава Черниговского в его взаимоотношении с пограничной Степью. Спустя годы, это нашло свое отражение в период трагический событий на Калке.

Литература

- Аверьянов А.К. Великая княгиня Владимирская Мария. Загадка погребения в Княгинином монастыре. (Новейшие исследования по истории России, выпуск 26). – М.: Центрполиграф, 2020. – 238 с. // <https://litmir.club/br/?b=705002&ysclid=lnxdjtnvbu335045580> Дата обращения: 23.10.2022.
- Войтович Л.В. Княжа доба: портрети еліти. – Біла Церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. – 784 с.
- Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1892. – 379 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. 3-4. – М.: Наука, 1991. – 832 с.
- Кишкин Л.С. Мария Всеволожая – ясыня или чехиня? // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. – М., 1972. – С. 253-269.
- Кузнецов А.А. Жена Всеволода Большое Гнездо: яское (аланское) или чешское происхождение? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. – С. 17-27.
- Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л.: Наука, 1987. – 217 с.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. – М.: «Индрик», 2006. – 908 с.
- Літопис руський / відп. ред. О.В. Мишанич ; за Іпат. списком пер. Л. Махновець. – К.: Дніпро, 1989. – 590 с.
- Малахов С.Н. Ясская «генеалогия» сына Андрея Боголюбского и проблема русско-аланских связей в XII в. // *Alanica*. – Владикавказ; Цхинвал, 1992. – С. 128-135.
- Новикова О.Л. Материалы для изучения русского летописания конца XV – первой половины XVI в.: I. Летописные подборки рукописи Погод. 1596 // Очерки феодальной России. Вып. 11. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2007. – С. 132-258.
- Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. – М.: Наука, 1968. – 472 с.
- Перевалов С.М. Казус Марии Всеволожей: осетинская версия происхождения русской княгини // *Цивилизация и варварство: человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 2)*. Вып. VII. – М.: Аквилон, 2017. – С. 108-141.
- Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VII. Период удельный. – М.: Типография Л. Степановой, 1856. – 483 с.
- ПСРЛ. Владимирский летописец. Новгородская вторая (архивская летопись). – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 272 с.
- ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. 2. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 648 с.
- ПСРЛ. Лаврентьевская летопись, Т. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 496 с.
- ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Т. XV. – СПб.: Типография Леонида Демиса, 1863. – VII с., 504 стлб.

- ПСРЛ. Летописи Белорусско-Литовские. Т. 35. – М.: Наука, 1980. – 313 с.
- ПСРЛ. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. Т. 3. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 720 с.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. – М.-Л.: Из-во АН СССР. 1952. – 315 с.
- Щепкина М.В. О происхождении Успенского сборника Древнерусское искусство. Рукописная книга. – М.: Наука, 1972. – С. 60-80.

References

- Aver'yanov A.K. Velikaya knyaginya Vladimirskaya Mariya. Zagadka pogrebeniya v Knyagininom monastyre [Grand Duchess Maria of Vladimir. The mystery of the burial in the Princess's monastery [The latest research on the history of Russia, issue 26)], М.: Centrpoligraf, 2020, 238 p. // <https://litmir.club/br/?b=705002&ysclid=lnxdjtnvbu335045580> Data obrashcheniya: 23.10.2022.
- Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [The history of the Russian state], V 12 t. T. 3-4. М: Nauka, 1991, 832 p.
- Kishkin L.S. Mariya Vsevolozhaya – yasnaya ili chekhinya? [Maria Vsevolozhaya – Yas or Czech?], Issledovaniya po istorii slavyanskikh i balkanskikh narodov. Epoha srednevekov'ya. Kievskaya Rus' i ee slavyanskije sosedji [Studies on the history of the Slavic and Balkan peoples. The era of the Middle Ages. Kievan Rus and its Slavic neighbours], М., 1972, pp. 253-269.
- Kuznecov A.A. Zhena Vsevoloda Bol'shoe Gnezdo: yasskoe (alanskoe) ili cheshskoe proiskhozhdenie? [Vsevolod a Big Nest's wife: of Yas (Alan) or Czech origin?], Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2016. № 2. pp. 17-27.
- Limonov Yu.A. Vladimiro-Suzdal'skaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoi istorii [Vladimir-Suzdal Rus. Essays on socio-political history], L.: Nauka, 1987, 217 p.
- Litvina A.F., Uspenskij F.B. Vybor imeni u russkikh knyazej v X-XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [The choice of the name of Russian princes in the X-XVI centuries: Dynastic history through the prism of anthroponymy], М.: «Indrik», 2006, 908 p.
- Litopis rus'kij [Chronicle of Rus] / vidp. red. O. V. Mishanich; za Ipat. spiskom per. L. Mahnovec'. К.: Dnipro, 1989, 590 p.
- Malahov S.N. Yasskaya «genealogiya» syna Andreya Bogolyubskogo i problema russko-alanskikh svyazej v XII v. [The Yas «genealogy» of Andrei Bogolyubsky's son and the problem of Russian-Alan relations in the XII century], Alanica. Vladikavkaz; Ckhinval, 1992, pp. 128-135.
- Novikova O.L. Materialy dlya izucheniya russkogo letopisaniya konca XV – pervoj poloviny XVI v.: I. Letopisnye podborki rukopisi Pogod. 1596 [Materials for the study of the Russian chronicle of the end of the XV – first half of the XVI century: I. Chronicle collections of the Weather manuscript. 1596], Ocherki feodal'noj Rossii. Vyp. 11 [Essays on feudal Russia. Issue 11], М.; SPb.: Al'yans-Arheo, 2007, pp. 132-258.
- Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [The foreign policy of Ancient Rus], М.: Nauka, 1968, 472 p.
- Perevalov S.M. Kazus Marii Vsevolozhej: osetinskaya versiya proiskhozhdeniya russkoj knyagini, [The incident of Maria Vsevolozha: the Ossetian version of the origin of the Russian Princess],

Civilizaciya i varvarstvo: chelovek varvarskogo mira i varvarskij mir cheloveka (Chast' 2) [Civilization and barbarism: a man of the barbaric world and the barbaric world of man (Part 2)], Vyp. VII, M.: Akvilon, 2017, pp. 108-141.

Pogodin M.P. Issledovaniya, zamechaniya i lekci o russkoj istorii [Studies, remarks and lectures on Russian history], T. VII. Period udel'nyj [The appanage period], M.: Tipografiya L. Stepanovoj, 1856, 483 p.

PSRL. Vladimirskij letopisec. Novgorodskaya vtoraya (arhivskaya letopis') [Vladimir chronicle. The Novgorod second (archiv's chronicle)], M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2009, 272 p.

PSRL. Ipat'evskaya letopis' [The Ipatiev Chronicle], T. 2. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001, 648 p.

PSRL. Lavrent'evskaya letopis' [The Laurentian Chronicle], T. 1. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001, 496 p.

PSRL. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Tverskoj letopis'yu [A chronicle collection called the Tver Chronicle], T. XV. Spb.: Tipografiya Leonida Demisa, 1863, VII p., 504 p.

PSRL. Letopisi Belorussko-Litovskie [Belarusian-Lithuanian Chronicles], T. 35. M.: Nauka, 1980, 313 p.

PSRL. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvoda [The Novgorod first Chronicle of the elder and younger izvod], T. 3. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2000, 720 p.

Rashid ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of chronicles], T. 1. Kn. 2. M-L.: Iz-vo AN SSSR. 1952, 315 p.

Shchepkina M.V. O proiskhozhdenii Uspenskogo sbornika Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga [On the origin of the Assumption collection of Ancient Russian art. A handwritten book], M.: Nauka, 1972, pp. 60-80.

Vojtovich L.V. Knyazha doba: portreti eliti [Princely times: portraits of the elite], Bila cerkva: Vidavec' Oleksandr Pshonkivs'kij, 2006, 784 p.

Zotov R.V. O chernigovskih knyaz'yah po Lyubeckomu sinodiku i o Chernigovskom knyazhestve v tatarskoe vremya [About the Chernigov princes according to the Lyubetsky Synod and about the Chernigov Principality in Tatar times], SPb.: Tipografiya brat'ev Panteleevykh, 1892, 379 p.